
**ИЗ ИСТОРИИ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ**

ОТ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ – К ТЕКСТОЛОГИИ ПИСАТЕЛЯ

В.Я. БРЮСОВ И СУПРУГИ БАЛЬМОНТЫ
В РАБОТЕ НАД “ПУШКИНСКИМ СЛОВАРЕМ”

© 2014 г. С. И. Гиндин

В статье прослеживается работа Валерия Брюсова, Екатерины и Константина Бальмонтов в 1898–1899 гг. над словарем поэтического языка Пушкина. Утверждается, что идея такого словаря была выдвинута двумя поэтами раньше появления известной статьи А.И. Урусова. Выяснено, что программа и методика работы над словарем определялись ее участниками в сотрудничестве с А.А. Шахматовым. Показано, что существенной причиной прекращения работ стало отсутствие научно установленного текста произведений Пушкина, а главным научным итогом – статья В.Я. Брюсова “Что дает Академическое издание сочинений Пушкина?”

The article engages itself with Valery Bryusov's, Yekaterina and Konstantin Balmont's work at the Pushkin poetic dictionary. It is argued that the two poets had arrived at the very idea of such a dictionary earlier than the famous article by A.I. Urusov came out. The approach to delimitation of contexts and to text excerption was elaborated by the project participants under direction of A.A. Shakhmatov. It is demonstrated that the work in question came to a halt largely because the definitive edition of Pushkin's works was lacking; as for the main project outcome, it was V.Ya. Bryusov's article “What Does The Academic Edition of Pushkin's Work Offer?”

Ключевые слова: первая попытка составления пушкинского словаря, письма Е. Бальмонт к Валерию Брюсову, А. Шахматов, методика разметки и росписи текста, зависимость лексикографии от текстологии, В.Ф. Саводник, “Словарь Пушкина”, В.Н. Щепкин.

Key words: the first attempt at Pushkin's lexicography, letters of Yekaterina Balmont to Valery Bryusov, Aleksei Shakhmatov dependence of lexicography on textual criticism, V. Savodnik, the “Slovar' Jazyka Pushkina”, V.N. Shepkin.

Изменение статуса “Словаря языка Пушкина” в XXI в.

Для “Словаря языка Пушкина” [1] наступает, похоже, новая и благодатная пора. Его высокий научный уровень и культурный потенциал специалистам, при всех выдвигавшихся возражениях, были ясны с самого начала (ср., например, рецензию Ю.С. Сорокина [2]). И даже те, кто подобно Б.А. Ларину, не сходил с составителями “Словаря” в принципиальных вопросах, именно его выбирали в качестве точки отсчета для изложения собственной позиции [3].

Но издательская и читательская судьба “Словаря” долго не складывалась. Задуман и начат он был вслед за “большим” академическим изданием Пушкина [4], в эпоху больших культурных предприятий, патронируемых государством. А к изданию его приступили в пору “борьбы с излишествами”, когда государственная пропаганда и продвижение культурных начинаний стали сходиться на нет. Между тем необходимость в

многотомном словаре языка всего одного автора, хотя бы и Пушкина, как показал резкий отклик известного библиографа художественной литературы Н.И. Мацуева [5], даже активно читающим людям была не очевидна. В результате тираж уже со второго тома стали уменьшать, а вскоре после завершения издания оставшиеся комплекты были подвергнуты уценке и даже списанию. Не успев дойти до читателей, “Словарь” стал библиографической редкостью.

Неудачный опыт распространения первого издания долгие десятилетия лишал надежд на переиздание, а важные дополнения к основному корпусу [6] увидели свет лишь через 13 лет после кончины своего ответственного редактора.

На рубеже веков положение и статус “Словаря языка Пушкина” стали меняться. Появление к 200-летию Пушкина второго издания [7], впервые соединившего материалы [1] и [6], сделало “Словарь” доступным для новых поколений. Одновременно стали формироваться и новые потребности, новые запросы к “Словарю”. Распространение

персональных компьютеров, доступ к ресурсам Интернета и внедрение новейших технологий ввода и обработки текста неожиданно превратили писательскую лексикографию, для которой еще 15 лет назад не нашлось места в академической истории [8], в едва ли не самую популярную и динамичную область словарного дела (см. указатель [9]). И выяснилось, что для современных составителей писательских словарей составленный вручную “Словарь” служит образцом и даже своего рода учебником. К 50-летию его завершения оказалось нужным и возможным собрать специальную научную конференцию [10]¹.

Но сегодня значение “Словаря” не ограничивается авторской лексикографией. Пушкин не просто один из великих мастеров русского слова, его творчество – важнейшее звено истории русского литературного языка в целом. Поэтому основатель “Словаря” Г.О. Винокур, намечая программу и методику его составления, прозорливо определил его предмет как “факты русского языка, засвидетельствованные произведениями Пушкина”. Основная “цель словаря – служить пособием по изучению русского языка в его истории” [11, с.11], и лишь во вторую очередь ставилась обычная задача писательских словарей – “служить общим путеводителем по текстам Пушкина, практические нужды в котором заранее не могут быть исчислены” [11, с.14].

Это положение о “Словаре языка Пушкина” как словаре историческом долгие годы воспринималось скорее как характеристика метода словарного описания, нежели его предмета и задач. В академической историографии [8] в разделе об исторических словарях “Словарь языка Пушкина” даже не упоминается. Причина тут была не в перемене задач в процессе создания “Словаря”, а скорее в состоянии системы исторических словарей, долгое время представленной в основном словарями древнерусского языка. Стоило продвигаться изданию капитального “Словаря русского языка 18 века” – и исторический характер предмета и задач “Словаря языка Пушкина” стал выявляться с полной отчетливостью (см., об этом напр., у В.А. Плотниковой [12, с. 12], а С.Н. Борунова даже предложила квалификацию “культурно-исторический словарь” [13, с.13]).

Так “Словарь языка Пушкина” вошел, – надо думать, окончательно – в семейство “больших” исторических словарей русского языка, представ-

ляющих общенациональное культурное достояние. А в таких словарях поучительно всё, включая историю их составления. Большие словари составляются десятилетиями, а это огромный срок не только в жизни одного человека, но и в истории науки. Отсюда возможность разнообразных драм и трагедий, особенно многочисленных в истории русской лексикографии (см., в частности, [8]). Исток этих драм не только в скоротечности человеческой жизни или в человеческих конфликтах. Он может корениться и в историко-научной ситуации, например, **когда осознание необходимости некоторого словаря рождается раньше, чем условия и средства для его реализации.**

Именно этот последний случай и будет рассмотрен в данной статье на примере одной из начальных и практически неизвестной попытки составления словаря пушкинского языка. Заодно нам придется коснуться вопросов научного приоритета: **кто же на деле выдвинул идею такого словаря и кто первым начал его составлять?**

Был ли первым А.И. Урусов? Загадочные умолчания историографов

Возвращение к вопросу о приоритете может показаться странным. В печати мысль о желательности создания словаря пушкинского языка печатно была впервые высказана в статье кн. А.И. Урусова [14], опубликованной 20 декабря 1898 г. в газете “Биржевые ведомости”².

Но в интерпретации этого безусловного факта разными поколениями историографов “Словаря” наблюдается существенное расхождение, до сих пор почему-то не замечавшееся.

Современные историографы [12, 15, 16] единодушно отдают А.И. Урусову приоритет в выдвижении идеи и в попытках составления пушкинского словаря. Л.Л. Шестакова при этом подкрепляет первенство А.И. Урусова и ссылкой на авторитет Г.О. Винокура: «Об идее словаря Пушкина, возникшей у А.И. Урусова в преддверии столетнего юбилея поэта, упоминал Г.О. Винокур в Проекте “Словаря языка Пушкина”» [16, с. 161].

Между тем отношение Г.О. Винокура было сложнее, и соответствующее место его историо-

¹ Настоящая статья также написана на основе доклада, прочитанного на этой конференции. В оформлении окончательного варианта текста большую помощь оказала мне М.В. Прокопович.

² Современные историографы отодвигают нижнюю границу допечатной предыстории словаря пушкинского языка, указывая, что еще в 1870–1880-х гг. И.И. Срезневский не только руководил “не имевшей успеха попыткой создания такого словаря” [15, с. V; 12, с. 4], но то “высказал” его “идею” [16, с. 160]. Но документальных подтверждений этому в названных работах не приводится.

графического обзора³ таит в себе определенную загадку чуть не детективного свойства. Отдав должное, вслед за С.А. Венгеровым, эстетическому чутью Урусова, Винокур ни статью [14], ни других его выступлений о пушкинском словаре (см. о них [16, с.161–162]) не упоминал, а вопрос о его личной роли мягко, но недвусмысленно снимал: “Инициатива словаря принадлежала кружку любителей во главе с кн. А.И. Урусовым” [11, с. 7]. Указания на то, кто входил в указанный кружок и как распределялись роли между его членами, в обзоре Г.О. Винокура отсутствовали.

В своем скепсисе по отношению к личной роли А.И. Урусова в истории словаря пушкинского языка Григорий Осипович был не одинок и даже не оригинален. Из всех специалистов, писавших об этой истории до него, только С.А. Венгеров связывал идею словаря и начало работы над ним лично с Урусовым. При этом Венгеров также не упоминал статьи [14], а ссылался на более ранние, чем она, устные свидетельства. В датированном 15 марта 1914 г. предисловии к первому выпуску трудов своего знаменитого пушкинского семинария он писал: “Еще лет 20 тому назад мне приходилось слышать от <...> кн. А.И. Урусова, что **по его инициативе** в Москве образовался кружок для составления Пушкинского словаря” [18, с. XVII; подчеркнуто мной. – С.Г.]

Но еще в 1904 г. В.Ф. Саводник в замечательной для своего времени попытке типологизации важнейших писательских словарей не упоминал не только статьи [14], но и самого имени А.И. Урусова: “Правда, в юбилейный 1899 год <...> в газетах появилось известие, что группа лиц предполагает составить словарь пушкинского языка и уже приступила к работе” [19, с.144]. Саводник, с 1894 г. учившийся на историко-филологическом факультете Московского университета, вряд ли мог не знать о статьях Урусова и о словарных работах под его руководством. А если он о них просто забывал, ему бы напомнили члены Пушкинской комиссии, в заседании которой первоначально была доложена его статья. Совершенно очевидно,

³ В этом обзоре, предпосланном изложению программы составления будущего “Словаря” [11, с. 7–10], основные вехи предисловия “Словаря языка Пушкина” с 1898 г. были систематизированы с почти исчерпывающей полнотой. В нем учтены даже те лексикографические начинания, о которых не появлялось никаких печатных сообщений. Об упомянутом в нем конкордансе к стихотворным произведениям Пушкина, составленном под руководством Г.А. Шенгели, мы бы вообще никогда не узнали, так как этот полностью составленный словарь, судя по сведениям Т.Г. Винокура [17, с. 317, прим. 6], пропал в процессе передачи пушкинских материалов из архива Литературного музея.

что “забвение” Урусова в статье, подготовленной специально в целях определения типа будущего пушкинского словаря, было демонстративным: автор по каким-то веским для него основаниям считал А.И. Урусова и его начинание недостойными упоминания.

В личном опыте С.И. Бернштейна, которому в 1898 г. было всего 6 лет, таких оснований быть не могло. Член семинария С.А. Венгерова, участвовавший под руководством последнего в составлении “Пушкинского словаря” (а позднее один из составителей “Словаря” [1]), он, конечно, не мог не знать взглядов своего учителя на личную роль А.И. Урусова. И тем не менее в его известной историографической “Справке” в качестве генератора идеи словаря фигурирует все тот же неконкретизируемый “кружок”, что у Саводника и позднее у Винокура: “Мысль о составлении Пушкинского словаря **возникла в московском литературном кружке**, группировавшемся **вокруг** кн. А.И. Урусова” [20; подчеркнуто мною. – С.Г.]

Как видим, Г.О. Винокур продолжал давнюю и устойчивую историографическую традицию. А с утверждением из справки Бернштейна винокуровская формулировка практически синонимична. Перед нами редкое единодушие. Очевидно, все историографы по личному опыту (Саводник) или по преданию знали что-то, что заставляло их сомневаться в первенстве и в личной роли Урусова.

Бальмонт и Брюсов – соперники Урусова?

Разобраться в характере и причинах этого обшего сомнения нам поможет то обстоятельство, что известный человеческой порядочностью и библиографической скрупулезностью Винокур, говоря о “кружке”, не захотел сослаться на справку Бернштейна, по другому поводу упоминаемую им уже на следующей странице [11, с. 8]. Это знак, что у его скепсиса по адресу Урусова был дополнительный источник, более прямой и Бернштейну в 1921–1922 гг. еще неизвестный. Исчезновение в формулировке Винокура бернштейновской привязки “**в московском кружке**” позволяет предположить, что этим источником была некая публикация, вышедшая в свет после 1922 г. и не посвященная впрямую Пушкину, но содержавшая факты о роли, сыгранной при выдвижении идеи пушкинского словаря в 1898 г. кем-то близким к Урусову и не проживавшим тогда в Москве. Скорее всего, это были какие-то мемуары или дневники, связанные с формированием русского символизма и – шире – модернистской культуры.

В домашней библиотеке Винокура⁴ издания символистов были представлены с редкой полнотой, а мемуары и дневники в середине 1920-х годов представляли для него особый интерес в связи с работой над теорией и методологией научной биографии (ее отражением стала книга “Биография и культура” [21]). Вполне естественно, что среди приобретенных им книг оказались и выпущенные в важнейшей мемуарной серии 1920-х гг. “Записи прошлого” избранные страницы дневников Валерия Брюсова [22]. Книга разрезана: Григорий Осипович, лично встречавшийся с Брюсовым [23, с. 463], ее явно читал. Даже если он не читал ее насквозь, не просмотреть ее на предмет новых сведений об отношении символистов к золотому веку русской поэзии ученый, не так давно завершивший статью “Баратынский и символисты” [24], конечно, не мог. А тогда именно указатель автоматически должен был навести его и на следующую запись января 1899 года: «Много было речи о Пушкинском словаре. Екатерина Алексеевна Бальмонт ездила упрекать prince Урусова за похищение чужой мысли, я купил за 10 р. издание Литературного Фонда, были мы у некоего Вячеслава Николаевича Щепкина, да еще какой-то бедный рисовальщик-“пейзажист” приходил ко мне с рекомендацией от Сабашникова, чтобы заняться в будущем перепиской Словаря. Были еще толки о 300 рублях субсидии, которую даст нам Академия наук, но затем все затихло» [22, с. 60].

Пушкинист и активный лексикограф не мог не связать данную запись с урусовской статьей 1898 г. (подробные цитаты из которой к тому же приводил в комментарии [22, с. 162–163] Н.С. Ашукин). Судить, что именно делали для “Пушкинского словаря” сам Брюсов, Е.А. Бальмонт и другие неназванные лица, подразумевавшиеся местоимениями *мы* и *нам*, по записи невозможно (в комментарии Ашукина об этом никаких дополнительных сведений, увы, не приводилось). Видимо, именно поэтому Г.О. Винокур и не счел возможным ввести ссылку на нее в свой сжатый обзор предыстории словаря пушкинского языка.

Но один факт из брюсовской записи все же устанавливался непреложно: Е.А. Бальмонт, а, значит, скорее всего, и ее супруг К.Д. Бальмонт после появления в “Биржевых ведомостях” статьи [14] упрекали А.И. Урусова в “похищении мысли”. Оба супруга были многим обязаны Уру-

сову и относились к нему с крайней почтительностью, которую К.Д. Бальмонт публично засвидетельствует в очерке [25]⁵. Поэтому Винокур, надо думать, читавший этот очерк, входивший в центральную критическую книгу Бальмонта, должен был принять их упреки как серьезное подкрепление давних сомнений историографов в приоритете Урусова. Это и дало ему основание повторить в обзоре формулировку С.И. Бернштейна о “кружковом” авторстве идеи пушкинского словаря, убрав из нее привязку к Москве: Бальмонты тогда проживали в Петербурге.

Словарное начинание Бальмонтов-Брюсова: задачи и первые попытки изучения

Из дневниковой записи Брюсова Винокур взял только “отрицательную” информацию – о том, что А.И. Урусов не был автором идеи “Пушкинского словаря”. Поступая так, он был верен требованиям научной методологии. Ведь только эта часть содержания записи согласовывалась с другими источниками – высказываниями предшествующих историографов – и, получая в них необходимое подтверждение, в свою очередь объясняла их недомолвки.

“Позитивная” же часть содержания записи, сообщавшей о “речах”, встречах и “толках” по поводу “Пушкинского словаря”, была, если воспользоваться брюсовской автооценкой книги “О искусстве”, “часто совсем непонятной по краткости” [22, с. 52] и, не имея параллелей в других источниках, не могла быть привлечена для историографии “Словаря” без дополнительных разысканий.

В то же время в контексте биографии Брюсова и общей ситуации в русской филологии конца XIX в. позитивные факты, сообщаемые в брюсовской записи, при всей их скудности и отрывочности, уже не выглядели столь изолированными и позволяли сделать два важных вывода.

Первый вывод состоит в том, что для обоих поэтов выдвижение идеи пушкинского словаря было органично. Брюсов уже с середины 1897 г. был захвачен Пушкиным и изучал его творчество (ср. [27, с. 198–200]). А Бальмонт в 1897 г., читая лекции в Оксфорде, работал в Бодлеявской библиотеке [26, с. 328] и хорошо знал словари к переводимым им поэтам (прежде всего к названному

⁴ Подавляющая часть содержащихся в ней книг и журналов на русском языке была приобретена Российским государственным гуманитарным университетом, книги на иностранных языках в основном попали в библиотеку Московского института иностранных языков.

⁵ В позднейших воспоминаниях Е.А. Бальмонт Урусов и вовсе окажется одним из главных героев, а современники засвидетельствуют, что она до конца считала Урусова “самым умным, обаятельным и интересным” из всех встреченных в жизни людей [26, с. 9]

в статье Урусова Шелли). Соединение этих линий и могло привести к мысли о пушкинском словаре.

Второй вывод: “Пушкинский словарь” был для Бальмонтов и Брюсова не мимолетным порывом или случайным отвлечением, а достаточно серьезным и важным предприятием. 10 рублей, потраченные на “три тома” (т.е. тома, содержавшие стихотворения и поэмы) собрания сочинений Пушкина [28], были для студента Брюсова, всегда с трудом изыскивавшего деньги на издание своих книг, значительной суммой. Выбор именно этого, весьма авторитетного для конца XIX в., издания (его же будет использовать в первом доведенном до печати словарном опыте В.А. Водарский [29]) свидетельствовал, что Брюсов и его сподвижники, принимаясь за словарь, уделяли внимание надежности выбираемых источников. То, что с Брюсовым и с кем-то из его соратников по “Пушкинскому словарю” захотел (или согласился?) встретиться В.Н. Щепкин – будущий классик палеографии и славистики (кстати, один из учителей Г.О. Винокура), а в Академии наук в какой-то момент собирались финансово поддерживать их работу, что означало: их планы были интересны филологам-профессионалам. Подбор сотрудников для переписки словарных материалов, свидетельствовал: молодые люди планировали свою работу как серьезное и долговременное предприятие.

Понять, что именно замышлялось и что они успели и сумели сделать, было бы существенно как для изучения истории “Словаря языка Пушкина” и всей русской писательской лексикографии, так и для понимания сферы научных интересов и творческого пути В.Я. Брюсова, К.Д. Бальмонта и их сподвижников.

Прежде всего, хотелось бы найти документальные подтверждения того, что “похищенная” идея “Пушкинского словаря” действительно возникла у Бальмонтов и Брюсова раньше ее обнародования в статье А.И. Урусова [14].

Второй, еще более важный вопрос, заключается в соотношении двух одновременно предпринятых словарных начинаний. Предпринималось ли все упомянутое Брюсовым в рамках, как теперь принято говорить, “инициативного проекта” или же, обижаясь на А.И. Урусова за “похищение мысли”, они все же работали под его руководством и по его плану?

Подтверждение независимости, а, возможно, и приоритета бальмонтовско-брюсовского начинания создавало бы новые содержательные загадки: в чем была сущность замысла этих новооткрытых лексикографов-пушкинистов? Кто входил в их

коллектив? Как протекала работа над материалом? Была ли она доведена хотя бы до каких-то промежуточных результатов? И по каким причинам замысел в конце концов был оставлен?

К сожалению, ответов пришлось ждать долго. Историографы “Словаря языка Пушкина” после Винокура о брюсовской дневниковой записи не подозревали, да, собственно, до подготовки второго издания [7] об истории словаря почти не писали. А исследователи пушкинских штудий Брюсова или творческого пути молодого Бальмонта не были осведомлены в перепитиях предыстории “Словаря” и либо просто упоминали о “готовности” Брюсова работать над “Пушкинским словарем” [30, с. 442], либо без каких-либо аргументов утверждали, что оба поэта какое-то время участвовали именно в словарном начинании А.И. Урусова [31, с. 112].

Поставить исследование сообщенных Брюсовым фактов на документальную почву удалось лишь через 40 лет после написания обзора Г.О. Винокура. Готовя в середине 1980-х годов публикацию черновых писем из рабочих тетрадей Брюсова студенческих лет, я обнаружил в конце письма к Бальмонту от 25 декабря 1898 г. такую “просьбу”: “Сообщите, что наш словарь” [32, письмо 100, с. 813]. Местоимение *наш* давало недвусмысленную опору для решения проблемы соотношения лексикографического замысла Бальмонта и Брюсова с начинанием А.И. Урусова. Сопоставив просьбу из письма с цитированной выше дневниковой записью, а также со сведениями о предшествовавшей письму поездке Брюсова в Петербург, где оба поэта много общались (см. [32, письма 96; 98 и примеч. к ним, с. 808–811]), я пришел к выводу, “что замысел словаря возник у обоих поэтов не позднее декабрьской поездки Брюсова в Петербург, т.е. до статьи Урусова” [32, с. 815, примеч. 21 к письму 100]. Брюсов уехал из Петербурга 14 декабря [22, с. 58], т.е. почти за неделю до появления в “Биржевых ведомостях” урусовской статьи. Представлявшая по форме, как указывалось в подзаголовке, фрагмент “из письма в редакцию”, статья эта явно писалась спонтанно и не могла быть сообщена Бальмонту для предварительного обсуждения.

Так окончательно подтвердился приоритет замысла Бальмонтов и Брюсова по отношению к урусовскому.

Но брюсовское письмо от 25 декабря 1898 г. было интересно не только этим: оно дало ключ к отысканию источников для изучения бальмонтовско-брюсовского словарного начинания. Сразу за процитированной “просьбой” в скобках следовала

недоуменная ссылка: (“Я писал Катерине Алексеевне в Москву, но от нее получил письмо, как если она моего не получала”) [32, с. 813]. Скобки – знак того, что к Е.А. Бальмонт Брюсов писал по тому же вопросу о словаре и “самого” мэтра тревожит только потому, что жена мэтра ему не ответила. Видимо, между поэтами было договорено, что по прозаическим, деловым аспектам их совместного лексикографического начинания Брюсов будет обращаться не к “мэтру”, а к его супруге. Как известно, “ранние письма Бальмонта к Брюсову, относящиеся к 90-м годам, в архиве Брюсова почти полностью отсутствуют”, а беловики писем Брюсова к Бальмонту вообще “не сохранились” [33, с. 31]. Зато письма Е.А. Бальмонт к Брюсову в его архиве есть [34], и большинство их, как оказалось, относятся как раз к периоду работы над “Пушкинским словарем”. В совокупности они позволяют довольно много узнать о замысле работы, ее протекании и причинах ее прекращения. В комментарии к одной фразе из брюсовского письма рассматривать всю эту богатейшую информацию было неуместно, да и физически невозможно, и я ограничился указанием на то, что упомянутое Брюсовым “письмо Е.А. Бальмонт (см. К. 75, ед. хр. 48, л. 6–18) содержит сведения о том, как отнеслись к идее пушкинского словаря А.Н. Веселовский и А.А. Шахматов, а также о работе супругов Бальмонт над пробной росписью пушкинских текстов” [32, с. 816, примеч. 22].

Я был уверен, что указание на приоритет Бальмонта и Брюсова вкуче с упоминанием имен двух величайших русских филологов той эпохи сразу после издания работы [32] побудят пушкинистов и лексикографов обратиться к названному мной архивному источнику и подробно восстановить ход и обстоятельства работы поэтов и их соратников над “Пушкинским словарем”.

Увы, комментарии малоподходящее место для обнаружения находок, не относящихся к основному тематическому руслу публикации. Да и время выхода работы [32] – 1991-й год – мало подходило для чтения научных работ, выходящих за рамки главного направления личных научных интересов. Ни пушкинисты, ни лексикографы моего сообщения о неизвестной до того попытке составления пушкинского словаря попросту не заметили.

Правда, в историографических очерках В.А. Плотниковой появилась цитата из обращения К.Д. Бальмонта в Отделение русского языка и словесности Академии наук с просьбой о выделении субсидии на подготовительные работы по словарю [12, с. V; 15, с. 4]. Но как раз это обраще-

ние мужа Е.А. Бальмонт в письмах не упоминает, очевидно, В.А. Плотникова пользовалась оригиналом ходатайства в Архиве РАН. А главное, сведения о нем даются сразу же за изложением статьи А.И. Урусова, и поскольку о собственном замысле двух поэтов не упоминается, у читателей обоих очерков В.А. Плотниковой неизбежно должно создаваться впечатление, что Бальмонт просил поддержки именно для участия в урусовском начинании!

Заметили мое сообщение и сделали из него надлежащие выводы только исследователи Бальмонта. П.В. Куприяновский и Н.А. Молчанова, ссылаясь на публикацию [32], прямо написали, что именно у Бальмонта и Брюсова “возникла идея о необходимости создать словарь языка Пушкина”, а Урусов о Пушкинском словаре писал “чуть позднее” [35, с. 93 и примеч. на с. 111]. Приводят они и некоторые подробности о письменном общении Бальмонтов с А.Н. Веселовским и встрече с А.А. Шахматовым, извлеченные, видимо (авторы источника не указывают), из названного в моем комментарии письма Е.А. Бальмонт к Брюсову (см. ниже). Но остальных ее писем П.В. Куприяновский и Н.А. Молчанова не использовали, отсюда досадные неточности в характеристике брюсовского участия в работе как чисто “организационного” и в определении всего начинания как “вскоре заглохшего” [35, с. 93]. И уж совсем непонятны источники вывода о том, что идея словаря появилась у двух поэтов в результате обсуждения “темы юбилея Пушкина” и желания “отметить юбилей чем-то значительным” [35, с. 93].

Через посредство работ П.В. Куприяновского и Н.А. Молчановой словарное начинание Бальмонтов и Брюсова наконец попало в поле зрения специалиста-“словарника”, и притом специалиста именно по проблемам авторской лексикографии – Л.Л. Шестаковой. Признав, что у Бальмонта и Брюсова “идея пушкинского словаря” возникла, “по-видимому, даже несколько раньше урусовской” [16, с. 163], Л.Л. Шестакова в качестве источника и в подтверждение своего тезиса подробно цитирует именно разобранное нами рассуждение П.В. Куприяновского и Н.А. Молчановой⁶

⁶ Ссылается она при этом не на книгу [35], а на книгу тех же авторов [36], изданную двумя годами ранее, которая осталась мне недоступна. Но цитируемое место в обеих книгах, видимо, идентично. Комментарий из моей работы [32] цитируется в подстрочной сноске к изложению Куприяновского и Молчановой со ссылкой лишь на место публикации и без указания названия работы и имени автора [16, с. 164]. Дневниковая запись Брюсова цитируется по этому комментарию.

В книге Л.Л. Шестаковой начинание Бальмонтов и Брюсова оказалось включенным в контекст истории словаря Пушкина и других словарей русских писателей. Еще важнее то, что Л.Л. Шестакова привлекла ранее неизвестный источник – тетрадку с пробными словарными статьями их “Пушкинского словаря”. Фотокопию с первых страниц тетрадки она приводит в приложении II к монографии [16, с. 456–458], а в основном тексте дает краткий предварительный анализ структуры словарных статей, делая вывод, что “они напоминают скорее толковый словарь, чем конкорданс” [16, с. 164]. Если этот вывод в дальнейшем подтвердится, то можно будет говорить про определенное опережение не только одновременного проекта Урусова (о его пробной тетрадке см. [16, с. 163], но и гораздо более фундированного венгерского проекта 1910-х гг., также нацеленного на создание конкорданса [37, с. XXII–XXIV; 20].

Круг источников благодаря этой находке был расширен не только количественно, но и качественно: впервые в распоряжении исследователей отказались, пользуясь старым различием А.С. Лаппо-Данилевского [38, с. 36–37], не только “предания” о работе Бальмонтов и Брюсова, но и ее реальные “остатки”. Однако прежде известные “предания” Л.Л. Шестакова использовала не полностью. Указанные мною [32, с. 816, примеч. 22] письма Е.А. Бальмонт остались неучтенными и у нее, как и у П.В. Куприяновского и Н.А. Молчановой. Как представляется, это существенно обеднило, а кое в чем и исказило её трактовку бальмонтовско-брюсовского замысла и места этого замысла в истории пушкинской лексикографии. В частности, без писем Е.А. Бальмонт не удалось даже начать изучение того, как была организована и как протекала реальная работа над словарем.

Как видим, за 20 с лишним лет со дня выхода моей публикации [32] указанный в ней источник: письма Е.А. Бальмонт к Брюсову, – так и остался неиспользованным. В этой ситуации я считаю себя вправе в остающейся части настоящей работы самому обратиться к их анализу.

Конечно, анализ писем о словаре не может и не должен заменить будущего исследования найденной Л.Л. Шестаковой пробной тетрадки самого словаря. Но и письма оказываются источником необходимым и незаменимым. Значение их определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, на их автора, Екатерину Алексеевну Бальмонт, легли не только пробные работы по росписи текстов, но и все внешние контакты группы. Фактически она являлась координатором (администратором?)

работ и, как никто, была в курсе всех деталей. Во-вторых, адресат писем, Валерий Брюсов, существенно участвовавший во всех видах проводившейся работы, жил не в Петербурге, а в Москве, и его надо было информировать о деталях принятой методики, о продвижении переговоров и спрашивать его мнения по спорным вопросам.

Охватывая весь период работ, с декабря 1898 г. по декабрь 1899, письма, как кажется, позволяют с довольно большой полнотой представить общий ход работы над “Пушкинским словарем”, круг ее участников, содержательные и технические проблемы, встававшие перед ними, и причины, которые в конце концов обусловили прекращение работ. Я не стану объединять материал по каждому из перечисленных аспектов темы из разных писем, а предпочту хронологическое повествование, переходя от письма к письму.

Советы А.А. Шахматова по предварительной разметке текстов.

Отказ большинства петербургских поэтов от участия в словаре

Письмо Е.А. Бальмонт от 8 января 1899 г. является по сути прямым ответом на вопрос “Что наш словарь?”, который был задан Брюсовым в декабрьском письме 1898 г. к К.Д. Бальмонту [32, с. 813]. Оно дает существенную информацию о первоначальном составе участников, об их целях и методических установках, о предполагаемой организации работы.

В историографии Л.Л. Шестаковой попытка Брюсова и Бальмонтов вынесена за пределы общего ряда научной предыстории “Словаря языка Пушкина” – от Урусова до Венгерова [16, с. 160] – как особое предприятие не ученых-филологов, а “поэтов” [16, с. 163]. Поэты часто противопоставляют свои высказывания и суждения о поэзии научным, достаточно напомнить, скажем, предисловие Павла Антокольского к последнему прижизненному сборнику его статей о поэзии [39].

Но письмо Е.А. Бальмонт от 8 января 1899 г. свидетельствует, что супруги Бальмонты и Брюсов с самого начала рассматривали свое предприятие как научное и хотели получить советы и поддержку от самых высоких авторитетов в филологии и лексикографии – членов Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Уже в самом начале письма читаем: «Наконец, могу сообщить Вам что-нибудь о судьбе словаря Пушкина. Меня очень задержал Александр Николаевич Веселовский. С ним пришлось вести письменные переговоры. Веселовский очень

одобрил наши намерения и советовал обратиться к самому компетентному в этом деле лицу, к Шахматову, молодому академику, занятому в настоящее время составлением словаря русского языка. Шахматов отнесся чрезвычайно сочувственно и внимательно к затее. Особенно он приветствовал, что **поэты** займутся стихотворным языком Пушкина, согласился редактировать словарь, содействовать выяснению основных принципов, обещал выхлопотать у Академии издание этого словаря, для чего предлагал немедленно приступить к разработке какой-нибудь поэмы Пушкина. Мы остановились на “Медном всаднике»» [34; подчеркнуто в подлиннике. – С.Г.]. Как видим, Бальмонт с Брюсовым искали у Академии не сановного патроната, а действенного руководства. Веселовский с Шахматовым сразу постарались направить работу лексикографов-неофитов в профессиональное русло.

Из дальнейшего рассказа узнаем, что Шахматов уделил особое внимание правильной организации начального этапа лексикографической работы – разметке и росписи текстов для будущей карточки словаря. Е.А. Бальмонт сообщала: “Метод Шахматова состоит в следующем: на бумажных карточках (я прилагаю образец) выписываются все стихи Пушкина по стихотворным фразам, руководствуясь не знаками препинания, а логической законченностью фразы. Так надо переписать всего Пушкина, три его стихотворных тома издания Литературного фонда. На карточках будет видно соотношение слов, значение, в котором они употреблены, и прочее. На них уже можно обсуждать выработанную систему, сделать условные знаки и тогда дать списывать в алфавитном порядке. Это уже работа механическая. Шахматов уверяет, что способ испробованный, наилегчайший и самый удобный” [34].

Из процитированного видно, что Шахматов придавал особую важность проблеме достаточности выбираемого из текста отрезка для характеристики значений входящих в него слов. Его призыв “руководиться не знаками препинания” связан, очевидно, не только с некодифицированностью пунктуации пушкинской эпохи, но и с хорошо известными фактами прихотливости синтаксического членения конкретных текстов и наличием анафорических элементов. Изложив шахматовский “метод” разметки, Е.А. Бальмонт тут же дает Брюсову задание на его опробование: «Предлагаем Вам, Валерий Яковлевич, переписать (можете отметить по книге логически законченные фразы карандашом) вторую часть “Медного всадника” со слов “Но вот, насытятся разрушеньем...” и послать нам к четвергу все замечания, которые сделаете

во время работы, все, что для Вас выяснится, и достоинства, и недостатки. В четверг мы с Сологубом приготовим первую часть “Медного всадника”, обсудим с Шахматовым этот способ, а по приезде в Москву свидимся с Вами, договоримся о дальнейшем. Поэтому мы назначили четверг» [34]. 8 января 1899 г., когда писала свое письмо Е.А. Бальмонт, тоже приходилось на четверг. Таким образом, на выполнение задания Брюсову давалось меньше недели. Это говорит не только о скорости, с какой ходили письма между Москвой и Петербургом, но и о темпе, в котором предполагали работать молодые лексикографы.

Обращают на себя внимание еще две подробности. Во-первых, А.А. Шахматов не ограничил свое участие начальными указаниями, но соглашался и дальше обсуждать с участниками их промежуточные результаты. Во-вторых, в письме мелькнуло еще одно, доселе не встречавшееся нам имя: “мы с Сологубом”.

Участие в работе над “Пушкинским словарем” Федора Сологуба еще раз подтверждается в концовке письма от 8 января, одновременно рисующей любопытную картину реакции на идею словаря со стороны остальных мэтров петербургской “новой поэзии”: “Вы не знаете верно, что все поэты: Мережковский с женой, Минский, Владимир Гиппиус отказались сотрудничать, найдя эту работу скучной, филологически сухой, а главное, лженаучной. Так что из поэтов остается Вы, Сологуб и Бальмонт – не измените!” [34]. Это сообщение, которым завершается письмо от 8 января, окончательно снимает вопрос о якобы особом “поэтическом” характере лексикографической инициативы Бальмонта и Брюсова [16, с. 163]. Они сами явно стремились к ее научной состоятельности и полноценности, а большинство поэтов, напротив, восприняли ее сугубо враждебно.

Взаимоотношения с конкурирующим предприятием А.И. Урусова

Следующее, второе письмо к Брюсову было написано всего через три дня после первого, но судя по его построению, Е.А. Бальмонт уже успела в промежутке получить ответ Брюсова. Видимо, Брюсов усомнился в том, что можно до 15 января успеть качественно выполнить роспись на карточки второй части “Медного всадника”, разбитой “по Шахматову” на логически законченные отрезки. На это Екатерина Алексеевна во втором письме отвечала: «Не переписывайте, пока только прочтите “Медный всадник”, напишите к четвер-

гу, как Вам метод Шахматова. Мы еще собираемся раскритиковать Шахматова» [34].

За что именно Бальмонты, а возможно и Сологуб, собирались критиковать “метод Шахматова”, частично приоткроется нам в следующем, третьем письме. Большая же часть данного, второго письма отвечает на брюсовские опасения по поводу возможной конкуренции: “Не смущайтесь словарем Урусова, Валерий Яковлевич! Взятся-то он очень деятельно, но из этого вряд ли что выйдет. Даже и материалами его воспользоваться будет трудно – очень бестолковую систему предлагает он. <...> Урусовская работа не имеет никакого значения, так как она без системы и возможности проверки” [34]. Слова “без системы и возможности проверки” показывают, насколько проникли в сознание автора письма идеи Шахматова о необходимости продуманной организации лексикографической работы.

Была ли она права, действительно ли работа в урусовской группе была бессистемна, сегодня судить трудно – слишком мало о ней известно. Но та часть процедуры, которую описал в опубликованных статьях сам Урусов, а именно предварительная роспись пушкинских текстов, “возможности проверки” и впрямь не давала. Урусов предлагал 2000 страниц самого дешевого издания Пушкина разделить по странице на человека, т.е. привлечь к работе 2000 добровольцев, чтобы каждый расписывал одну страницу текста [14, с. 214]. Но найти 2000 профессионально состоятельных переписчиков было бы нелегко и сегодня, тем более это было невозможно в конце XIX в. Ясно, что проверка росписи (тем более сделанной по ненадежному дешевому изданию) потребовала бы времени, сопоставимого с потраченным на саму роспись.

Характер ответа Екатерины Алексеевны недвусмысленно свидетельствует, что работа групп Бальмонтов-Брюсова и Урусова протекала абсолютно независимо друг от друга. В дальнейшем в письмах Е.А. Бальмонт имя Урусова уже не всплывает, видимо, все участники бальмонтско-брюсовского коллектива достаточно поверили в собственные силы. Зато письма отражают расширяющийся размах работ и Бальмонтов, и Брюсова, и возникновение в их работе новых содержательных и технических вопросов.

Уточнение критериев сегментации и разметки текста

Третье письмо относится к середине февраля и отделено от второго тремя неделями. Оно также написано в ответ на брюсовское, что видно из

начальной формулы: “Как раз я Вам собиралась писать, Валерий Яковлевич”. Екатерина Алексеевна сообщала: “... нашла переписчика, работа начата. <...> Все три тома будут переписываться под моим наблюдением” [34]. Речь шла, очевидно, все о тех же стихотворных томах издания Литературного фонда [28]. Освобожденные от наиболее рутинной и утомительной части расписывания текстов, основные участники могли с большей энергией заниматься разметкой текстов и решением возникающих здесь содержательных вопросов. Теперь велась уже не пробная разметка отдельных произведений, а сплошная целых томов. Поскольку томов три, можно предположить, что каждому из основных участников был выделен на разметку свой персональный том. По крайней мере, Е.А. Бальмонт просит Брюсова: “Как разметите Ваш том, пошлите мне его, еще лучше пошлите часть, ну хоть страниц 100 или 50 уже размеченных, мне удобнее будет показать Вам наши условные знаки и их значение” [34].

Сами супруги Бальмонты не только успели выработать систему знаков, но и пришли к выводу, что необходимо скорректировать шахматовский принцип сегментации текста на логически законченные отрезки: “При разметке надо стремиться к тому, чтобы отрывки были возможно полнее, совершенно короткие примеры, хотя бы и законченные сами по себе, осложняют и затягивают переписку. Из нашего опыта с Константином Дмитриевичем видно, что примеры обыкновенно хороши в 4, 6, 8, не более 12 строк” [34]. Из последней фразы видно, что по существу логический критерий предлагалось дополнить версификационным: 4, 6, 8 строк – наиболее частый объем строф (да и “строфоидов” в астрофических композициях).

Кроме того, в поле зрения Бальмонтов попала и проблема трактовки дейктических и анафорических элементов текста, значение которых даже и в “логически законченной” фразе порой не понятно без указания какого-то слова или словосочетания из предшествующих предложений. Расписывая, к примеру, пушкинское стихотворение “Рифма, звучная подруга...” на карточке «против строки “Твой призывный звучный лепет” надо пометить на полях *Рифму*. Это необходимо, чтобы наши примеры имели законченный вид, и всякий, кто будет разрабатывать буквы (писать словарные статьи. – С.Г.), не должен был лезть в текст, а видел бы соотношение слов на предполагаемых фишах» [34]. Заканчивалось же третье письмо воодушевляющей организационной новостью: “Вы знаете, что Академия наук дала 200 рублей на начало работы” [34].

Рабочие будни. Подача пробной тетради в Академию наук

Брюсов, видимо, также интенсифицировал разметку своего тома. Уже через неделю, 21 февраля, Е.А. Бальмонт в четвертом письме просит: “Пожалуйста, вышлите том Пушкина, который Вы разметили”. Очевидно, группа переписчиков к этому времени расширилась, и использовать для их работы непосредственно издание Литературного фонда почему-то (возможно из-за его дороговизны) оказалось затруднительным. Е.А. Бальмонт сообщает: «Способ работы пришлось изменить, мне приходится переписывать Ваши разметки на книжках суворинского издания в десяти экземплярах, поэтому чем скорее вышлите Ваш том, тем лучше. По образцу “Братьев разбойников” вижу, что размечаете Вы так, как надо» [34].

В пятом письме, написанном в конце марта, Е.А. Бальмонт сообщала уже о первых результатах собственно словарной работы. “В субботу мы представили в Академию наук букву А” [34]. Речь здесь явно шла о той пробной тетради словаря, которую частично воспроизвела и проанализировала в книге [16] Л.Л. Шестакова. Следуя архивному описанию тетради, исследовательница предположила, что тетрадь писана почерком К.Д. Бальмонта [16, с.164]. Но воспроизведение первых листов тетради [16, с. 416–418] показывает, что тетрадь была переписана все той же Екатериной Алексеевной. Принципов ее построения Е.А. Бальмонт в письме не раскрывает, полагая, что Брюсов сможет увидеть их сам, познакомившись с тетрадкой: “Объяснять письменно, в чем состоит наш метод, долго. Лучше мы пришлем к Вам корректурные листы. Тетрадь нашу отправили в типографию. Получите Вы образчик нашей работы дней через 10–12” [34]. Была ли тетрадь набрана, неизвестно, но, может быть, “корректурные листы” еще обнаружатся в архивах.

Заканчивается мартовское письмо Е.А. Бальмонт сообщением об очередном техническом совете Шахматова, о планах собственной лексикографической работы и заботах по координации росписи текстов: “Шахматов очень советует не переписывать фиши, а нумеровать и отсылать с примечаниями на полях в типографию. Он так делает, разумеется, это огромная экономия сил. Академическая типография привыкла набирать с фиш. Я приступаю к разбору буквы Б и к расклейке следующих экземпляров для Вас. Недели через две кончу” [34]. В письмах ее, однако, наступает перерыв, и уже не на 2–3 недели, а на полгода. После перерыва инициатива выдвижения новых предложений заметно переместится от Екатерины Алексеевны к ее адресату.

Предложения Брюсова по структуре словарной статьи

Шестое письмо, почтовая открытка со штемпелем 16 сентября 1899 г., начиналось так: “Мы совершенно согласны, что словарь будет несравненно полнее, если внести в него поправки, как Вы предлагаете, мы и пытались это сделать вначале, но это труд ужасный” [34]. В чем именно состояли предложенные Брюсовым поправки, неизвестно, но об одной судить все-таки можно по ответу Е.А. Бальмонт: “Попробуйте, если Вам удастся, с буквы Г расположить выражения Пушкина по периодам, мы последуем Вашему примеру” [34].

Слова “по периодам” свидетельствуют, что речь шла о каком-то способе отражения в словаре временных изменений в семантике и/или употреблении слов. Явления семантической динамики в языке Пушкина попали в поле зрения Брюсова в ходе начатой еще в конце 1896 г. и продолжавшейся почти три года работы над “Историей русской лирики” (об этом замысле см. [27]). В частности, некоторые типические изменения в использовании словом были подмечены при сопоставлении лицейских стихотворений с их переработанными редакциями 1828 г. (ср. анализ переработки надписи “К портрету Жуковского” в набросках [40]).

Детали того, как предлагал Брюсов изменить подачу материала в статьях “Пушкинского словаря”, можно будет выяснить, только если отыщутся его неизвестные сегодня письма к Е.А. Бальмонт. Но косвенный источник для суждения об общем направлении его предложений существует. Это опубликованная пятью годами позже статья В.Ф. Саводника [19]. Как увидим ниже, этот литературовед и однокашник Брюсова по университету был причастен к предприятию Бальмонтов-Брюсова, а, значит, его статья может хранить в себе следы совместных обсуждений.

Переходя от обзора зарубежных писательских словарей к определению типа будущего пушкинского словаря, Саводник замечал: “К числу наиболее важных вопросов, от удачного разрешения которых <...> зависит научная ценность специального словаря”, принадлежит как раз поставленный Брюсовым перед Е.А. Бальмонт вопрос “о размещении собранного в нем материала” [19, с. 166]. По его мнению, “существуют две возможных системы группировки приводимых в каждом отдельном случае примеров и цитат”. Первая “основана на различии в оттенках **значения** каждого данного слова и объединяет на основании этого логического принципа выражения и обороты, принадлежащие различным эпохам творчества”. А в основе второй “группировки лежит принцип

хронологической последовательности, причем уже не обращается внимания на то, что рядом приходится ставить слова, имеющие совершенно различные оттенки значения” [19, с. 166].

По мнению Саводника, именно второе, хронологическое (т.е. “по периодам”, используя слова Е.А. Бальмонт) размещение больше отвечает «“требованиям научного подхода” и создает условия применения исторического метода, который является наиболее плодотворным методом изучения языка какого-либо писателя». В частности, его применение в “Пушкинском словаре” даст исследователям “некоторую картину развития пушкинского языка и творчества” и позволит “наблюдать непосредственно, в каком именно направлении совершалось это развитие” [19, с.167].

Из процитированного видно, что В.Ф. Саводник мыслил будущий словарь скорее как конкорданс, нежели как толковый. Он даже отмечал, что “различные оттенки” значений слов “почти всегда будут ясны из общей связи приводимых цитат и примеров без объяснительных примечаний” [19, с. 167]. На примерах из пробной тетради Е.А. Бальмонт, приводимых в книге Л.Л. Шестаковой [16], мы видели, что в словарных статьях имелось и толкование, и подбор цитат. Что предлагал в сентябре 1899 г. Брюсов: группировку “по периодам” примеров и цитат в иллюстративной зоне статьи или же раздельное толкование значений слова в разные “периоды” пушкинского творчества, – остается пока загадкой.

Постановка вопроса о текстологической базе словаря

После сентябрьской откритки в письмах Е.А. Бальмонт наступает новый перерыв. Следующее, седьмое письмо, она пишет только 29 ноября. За эти два с половиной месяца в пушкинских и – шире – филологических занятиях Брюсова произошло важное событие: читая многочисленные издания поэтов, он начинает замечать несовпадения текстов и приходит к задаче текстологического сопоставления. Первый плод этих занятий – статья об изданиях Баратынского [41] – появляется в свет как раз в ноябре 1899 г.

В центре нового направления брюсовских интересов также оказывается Пушкин. Как раз в 1899 г. появился первый том долгожданного академического собрания сочинений Пушкина под редакцией Л.Н. Майкова [42]. Знакомясь с ним, Брюсов заинтересовался его соотношением с предыдущими изданиями. Количество и степень расхождений были так велики, что, увлекшись,

он написал подробную рецензию на новый том, а по сути – проблемную статью по текстологии Пушкина [43]. Качественно иной научный уровень этой статьи по сравнению с предыдущей о Баратынском бросается в глаза уже с первого раздела, озаглавленного “Метод, принятый в Академическом издании” (подчеркнуто мною. – С.Г.).

Появление академического издания, предлагавшего сотни изменений текста, заставило Брюсова задуматься о надежности текстовой базы создаваемого ими словаря. О своих сомнениях и о необходимости учесть выводы находившейся уже в производстве статьи [43] при составлении “Пушкинского словаря” Брюсов, видимо, написал Е.А. Бальмонт. Она отвечала: “Валерий Яковлевич! Я очень обрадовалась Вашему письму и всему, что Вы пишете о словаре. Я не знала, что так много уже сделано, т.е. сравнены издания. Я думаю, Вы правы, надо работать над текстом, иначе не стоит” [34].

Но “работа над текстом” в рамках уже идущего составления словаря означала, конечно, серьезное замедление словарных работ и, возможно, переделку сделанного ранее. Принципиально соглашаясь с Брюсовым, Е.А. Бальмонт не могла принять решение о такой перемене единолично или даже вместе с супругом. Поэтому она посоветовала Брюсову: “Напишите Алексею Александровичу Шахматову, второе отделение Академии наук, о плане Вашей работы. Я уже вкратце писала ему, что Вы писали мне осенью. Не забудьте послать ему Вашу статью” [34].

Кто участвовал в работе над “Пушкинским словарем”

В ноябрьском письме помимо проблемы текстологической базы словаря подробно обсуждается вопрос о сотрудниках, как уже работающих, так и потенциальных. Е.А. Бальмонт пишет: “Саводника, конечно, надо принять в сотрудники. О Якушкине спросите у Сабашникова, у него же карточки. Первый ящик для Щепкина. А в другом ящике карточки. Пошлите мне образец Вашей работы, мне интересно, как Вы будете распределять слова” [34].

Двое упоминаемых здесь Екатериной Алексеевной лиц фигурировали почти за год до того в январской записи Брюсова о начале работ. За год они не прекратили своего сотрудничества. Издатель М.В. Сабашников деятельно помогает в организационных хлопотах, а В.Н. Щепкин, приват-доцент Университета, активно участвует в работе над картотекой – и, видимо, в немалых объемах.

Совсем в другом плане важно и значимо появление в ноябрьском письме имени историка литературы В.Ф. Саводника. Как мы уже знаем, через пять лет он опубликует на страницах академического журнала важную статью о типе будущего словаря пушкинского языка [19]. На этом основании Л.Л. Шестакова включила его в “научную” предысторию замысла “Словаря языка Пушкина” [16, с.160, 168–169], во входе в которую она отдала поэтам Брюсову и Бальмонту [16, с. 160, 163]. Не собираюсь ставить под сомнение самостоятельность статьи Саводника (о ее значении см. в обзоре Г.О. Винокура [11, с. 7–8]). Но, как выясняется, первым-то привлечением к идее словаря он был обязан тем же Брюсову (своему однокурснику) и Бальмонтам. Это позволяет понять, почему Саводник, как отмечалось выше, не упоминал даже имени А.И. Урусова, а саму статью Саводника – рассматривать как косвенный источник по истории бальмонтовско-брюсовского начинания и как его отдаленный результат.

Упоминание в письме Е.А. Бальмонт известного в дальнейшем пушкиниста В.Е. Якушкина также симптоматично для “кадровой политики” составителей словаря. Но успел ли он участвовать в работе, пока неизвестно.

Обрыв переписки и прекращение работы над словарем

Еще в ноябрьском письме очевидны энтузиазм, уверенность в продолжении работы и стремление планировать ее наилучшим образом. Но короткое декабрьское письмо дышит тревогой и неопределенностью. Екатерина Алексеевна, видимо, написала его, находясь в Москве и перед спешным отъездом: “Не имела минуты, чтобы переговорить с Вами. Вопрос о словаре несколько выясняется, только из Санкт-Петербурга я смогу сообщить Вам более определенные данные. Напишу Вам немедля тогда. Екатерина Бальмонт” [34].

Слова *несколько* (т.е. ‘частично, не полностью’) *выясняется* означали, что возникшие затруднения были достаточно серьезны. А раз сообщить дополнительные данные можно было только из Петербурга, значит, появившиеся проблемы как-то были связаны с Академией наук. Отказала ли Академия в финансировании “начала работ” (а переписчики, напомним, уже были заняты и работали)? Или в субсидировании публикации первой пробной тетради? Была ли раскритикована вся программа работ, или же ее просто было приказано свернуть без всяких объяснений в результате каких-либо сановных интриг?

Увы, данных для ответа у нас нет. Никаких писем от Е.А. Бальмонт по поводу “Пушкинского словаря” в архиве Брюсова больше нет. Не упоминается более словарь и в брюсовских дневниках (в том числе и в неопубликованной их части). Нет о нем ни слова и в обширных мемуарах Екатерины Алексеевны [26]. По-видимому, в декабре 1899 г. работы, продолжавшиеся целый календарный год, были прерваны.

Заключение

Такова история работ Бальмонтов и Брюсова над “Пушкинским словарем”, насколько ее можно установить по письмам Е.А. Бальмонт. Возможно, какие-то источники из других архивов позволят внести в нее уточнения и дополнения, а анализ пробной тетради из фонда Шахматова поможет составить более определенное представление о характере и уровне предполагавшегося лексикографического описания.

Но и сегодня можно с уверенностью сказать, что затея двух поэтов была не минутной причудой, а заявкой на серьезную научную работу. Что же прервало, казалось бы, уже прочно становившееся на ноги и достаточно продвинувшееся словарное предприятие?

Конечно, непосредственной причиной прекращения работ над “Пушкинским словарем” стали факторы внешние по отношению к замыслу. Первым толчком послужили те неизвестные нам пока перемены в отношении к словарю со стороны Второго отделения Академии наук, предположение о которых высказано в предыдущем разделе. Конечно, можно было как-то пытаться продолжать работу и без поддержки (по крайней мере, финансовой) Академии. Но тут уже вступали в действие новые перспективы, открывшиеся с 1900 г. перед обоими поэтами на литературном поприще.

В 1899 г. К.Д. Бальмонт познакомился, а затем познакомил и Брюсова с С.А. Поляковым [22, с. 74–75]. Последствием этого знакомства стало учреждение Поляковым, Балтрушайтисом, Бальмонтом и Брюсовым издательства “Скорпион”. Именно “Скорпион” в 1900 г. впервые в полный рост явил русской публике Бальмонта и Брюсова как поэтов и открыл перед ними возможность профессиональной литературной карьеры. К тому же для более склонного к усидчивой систематической работе Брюсова “Скорпион” и особенно организованные в нем периодические издания фактически стали местом службы. И эта служба, в отличие от предшествовавшей службы в “Русском архиве”, отбирала почти все время, оставав-

шеся от художественного творчества и обрubiла намечавшуюся после окончания университета (и в принципе совместимую с писательством) научную карьеру.

Понятно, что и расцвет поэтического творчества, и литературно-организационная деятельность должны были отвлечь обоих поэтов от работы над “Пушкинским словарем”. А одна Е.А. Бальмонт даже при самых благоприятных условиях справиться бы с ней не смогла.

Все названные факторы, безусловно, сыграли важную роль в прекращении словарной работы. Но представляется, что и не будь их, работа эта все равно неминуемо должна была бы свернуться по причинам внутренним, коренившимся в тогдашнем уровне развития филологической пушкинистики. Брюсовский разбор I тома академического издания [43], оставшийся, как говорилось, единственным завершенным плодом работы над “Пушкинским словарем”, одновременно был сигналом и ее **принципиальной преждевременности**. Если даже новейшее академическое издание, призванное быть эталонным в установлении пушкинского текста, вызывало столько вопросов, то что говорить о тех изданиях, по которым начали работу составители словаря? И когда еще появятся следующие тома академического издания, исчерпывающие стихотворное наследие Пушкина, и будут ли они надежнее первого тома?

Логический вывод из этих сомнений был сформулирован в предпоследнем из писем Е.А. Бальмонт: “Вы правы, надо заниматься сравнением текстов”, т.е. пушкинской текстологией. Но если б Бальмонты и Брюсов всерьез занялись “сравнением текстов”, им пришлось бы надолго отстраниться от собственно лексикографии, а деятельность привлеченных ими помощников оказалась бы без них парализована и обесмыслена.

Таким образом, в деятельности группы Бальмонтов-Брюсова впервые в русской писательской лексикографии и практической филологии (об этом понятии см. [44]) был поставлен принципиальный вопрос о текстологическом основании лексикографической работы: критическое установление текстов писателя должно предшествовать словарному описанию его языка. Лишь через пять лет подобный вывод впрямую сформулирует Отделение русского языка и словесности Академии наук, признавшее 3 февраля 1905 г., что “успешное исполнение” замыслов словаря языка и словаря рифм Пушкина “возможно только по окончании Академического издания его сочинений” [20, с. XXXV]. Блестящее подтверждение этому выводу бальмонтовско-брюсовской группы

дала и история воплощения “Словаря языка Пушкина” [1], в котором составление предварявшего собственно словарную работу “словоуказателя” по пятам следовало за выходом очередных томов “большого” академического собрания [11, с. 23].

Думается, что этот урок лексикографического предприятия Бальмонтов-Брюсова очень актуален и в наши дни невиданной популярности авторской лексикографии и компьютерных “писательских” корпусов. Знакомство со многими из новых словарей и словариков, отраженных в указателе [9], настораживает: вопросы надежности текстовой базы явно не приходили в голову их создателям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь языка Пушкина / Отв. ред. В.В. Виноградов. В 4 тт. Т. 1–4, [Т. 5. Приложения]. М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1956–1961.
2. *Сорокин Ю.С.* [Рец. на кн.:] Словарь языка Пушкина в четырех томах. Т. 1. М., 1956 // Вопросы языкознания. 1957. № 5. С. 130–136.
3. *Ларин Б.А.* Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М. Горького / [Изд. 2-е] // *Ларин Б.А.* Эстетика слова и язык писателя. Л.: Худож. лит., 1974. С. 214–227.
4. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 16 тт. Т. 1–16, [17]. М.: Изд. АН СССР, 1937–1950, 1959.
5. *Мацуев Н.И.* “1695 бы” // Литературная газета. 1958. 15 января.
6. Новые материалы к словарю А.С. Пушкина / Отв. ред. В.В. Виноградов. М.: Наука, 1982.
7. Словарь языка Пушкина / Изд. 2-е, доп.; Отв. ред. В.А. Плотникова. В 4 тт. Т. 1–4. М.: Азбуковник, 2000.
8. История русской лексикографии / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов. Л.: Наука, 1998.
9. *Шестакова Л.Л.* Литература по русской авторской (писательской) лексикографии за 2000–2008 гг. // Вестник РГГУ. 2010, № 9. Серия “Языкознание” / Московский лингвистический журнал. Т. 12. С. 297–341.
10. *Кулева А.С., Шестакова Л.Л.* Расширенный научный семинар «Авторская лексикография и история слов: к 50-летию выхода в свет “Словаря языка Пушкина”» // Известия РАН. Серия лит. и яз. 2012. Т. 71. № 3. С. 67–77.
11. *Винокур Г.О.* Словарь языка Пушкина // Проект словаря языка Пушкина. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 5–27.
12. *Плотникова В.А.* “Словарь языка Пушкина” – почему мечтали о его создании и чем он может помочь читателю // Русский язык: Еженедельное приложение

- ние к газете “Первое сентября”. 2000. № 21. С. 4, 12–13.
13. *Борунова С.Н.* О новом издании “Словаря языка Пушкина” // Русский язык: Еженедельное приложение к газете “Первое сентября”. 2001. № 24. С. 4, 13.
 14. *Урусов А.И.* Четыре мысли по поводу чествования Пушкина (Из письма в редакцию) / [Изд. 3-е] // А.И. Урусов – первоиздатель русской судебной защиты. Тула: Автограф, 2001. С. 214–216.
 15. *Плотникова В.А.* Предисловие ко 2-му изданию // Словарь языка Пушкина / Изд. 2-е, доп. Т. 1. М.: Азбуковник, 2000. С. V-IX.
 16. *Шестакова Л.Л.* Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: “Языки славянской культуры”, 2011.
 17. *Винокур Г.О.* Словарь языка Пушкина / Изд. 2-е; Предисловие и комментарий Т.Г. Винокур // *Винокур Г.О.* О языке художественной литературы. М.: Высшая школа, 1991. С. 297–317.
 18. *Венгеров С.А.* Предисловие // Пушкинист: Историко-литературный сб. / Под ред. С.А. Венгерова. [Вып.] 1. СПб., 1914. С. V–XXIV.
 19. *Саводник В.Ф.* К вопросу о Пушкинском словаре // Известия Отд. рус. яз. и словесности Академии наук. 1904. Т. 9. Кн. 1. С. 143–182.
 20. *Б[ернштейн] С.* [И.] О Пушкинском словаре: (Справка) // Пушкинский сборник памяти проф. С.А. Венгерова. М.; Л.: Гос. изд. 1922. С. XXXIV–XL. (Пушкинист. [Вып.] 4).
 21. *Винокур Г.О.* Биография и культура. М.: Гос. акад. худож. наук, 1927.
 22. *Брюсов В.Я.* Дневники: 1891–1910 / Подг. текста И.М. Брюсовой; Примеч. Н.С. Ашукина. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1927.
 23. *Винокур Г.О.* Из воспоминаний моей юности // Язык. Культура. Гуманитарное знание: Научное наследие Г.О. Винокура и современность. Отв. ред. С.И. Гиндин и Н.Н. Розанова. М.: Научный мир, 1999. С. 460–467.
 24. *Винокур Г.О.* Баратынский и символисты / Публ. К. Соливетти // *Russica Romana*, 1994. V. 1. P. 129–156.
 25. *Бальмонт К.Д.* Князь А.И. Урусов (Страница любви и памяти) // *Бальмонт К.Д.* Горные вершины. М.: Скорпион, 1904. С. 102–106.
 26. *Андреева-Бальмонт Е.А.* Воспоминания. М.: Изд. имени Сабашниковых, 1996.
 27. *Гиндин С.И.* Неосуществленный замысел Брюсова // Вопросы литературы, 1970. № 9. С. 189–203.
 28. *Пушкин А.С.* Сочинения. Изд. О-ва для пособия нуждающимся литераторам и ученым / Под ред. П.О. Морозова. Т. 1–7. СПб., 1887.
 29. *Водарский В.А.* Материалы для словаря пушкинского прозаического языка // Филологические записки. Воронеж, 1901–1903.
 30. *Полоцкая Э.А.* Статьи о Пушкине // *Брюсов В.Я.* Собрание сочинений: В 7 тт. Т.7. М.: Художественная литература, 1975. С. 442–456.
 31. *Нинов А.А.* Так жили поэты... // Нева. 1978. № 6.
 32. [*Брюсов В.Я.*] Письма из рабочих тетрадей (1893–1899) / Публикация, вступ. статья и коммент. *С.И. Гиндина* // Литературное наследство. 1991. Т. 98. Кн. 1. С. 555–830.
 33. *Нинов А.А.* [Вступ. статья к публ.:] Письма [В.Я. Брюсова] к К.Д. Бальмонту // Литературное наследство. 1991. Т. 98. Кн. 1. С. 30–82.
 34. *Бальмонт Е.А.* Письма к В.Я. Брюсову // Отдел рукописей Российской гос. библиотеки. Ф. 386. К. 75. Ед. 48.
 35. *Куприяновский П.В., Молчанова Н.А.* “Поэт с утренней душой”: Жизнь, творчество, судьба Константина Бальмонта. М.: Индрик, 2003.
 36. *Куприяновский П.В., Молчанова Н.А.* Поэт Константин Бальмонт: Биография. Творчество. Судьба. Иваново, 2001.
 37. *Фомин А.Г.* С.А. Венгеров как профессор и руководитель Пушкинского семинария // Пушкинский сборник памяти проф. С.А. Венгерова. М.; Пг.: Госиздат, 1922. С. X–XXXIII. (Пушкинист, [вып.] 4)
 38. *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов / [Изд. 2-е]; Подгот. А.И. Андреева с испр. и доп. Е.А. Ростовцева. СПб.: Северная звезда, 2007.
 39. *Антокольский П.Г.* Пути поэтов. М.: Сов. писатель, 1965.
 40. *Брюсов В.Я.* О поэтическом языке / Публ. и вступит. заметка *С.И. Гиндина* // Русская речь. 1972. № 4. С. 47–51.
 41. *Брюсов В.Я.* Собрания сочинений Баратынского // Русский архив. 1899. Кн. 11. С. 437–446.
 42. *Пушкин А.С.* Сочинения. Т. 1. Изд. Императорской академии наук / Ред. Л.Н. Майков. СПб., 1899.
 43. *Брюсов В.Я.* Что дает Академическое издание сочинений Пушкина // Русский архив. 1899. Кн. 12. С. 618–631.
 44. *Гиндин С.И.* Что же такое филология и какова ее современная структура // Проблемы поэтики и стилистики. Алма-Аты, 2012.